

Соня и Александра

Автор:

Маша Трауб

Соня и Александра

Маша Трауб

Как вы думаете, можно ли приготовить салат из двадцати ингредиентов, который способен вернуть радость жизни? Вы верите в то, что пожилой мужчина может быть домовым, хранителем места? Вы можете себе представить, что случайно сказанное слово, сплетня, пущенная без всякого умысла, может изменить всю жизнь? Я верю. Этот роман о том, что главное действие разворачивается в нашей душе. А мысли заменяют произнесенные вслух слова.

Маша Трауб

Маша Трауб

Соня и Александра

© Трауб М., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

– Мне кажется, здесь очень мило! Смотри, какие цветы! И лужайка! Ой, там велосипеды можно брать! И ворота футбольные!

Соня восторгалась, пожалуй, чуть переигрывая. Место для отдыха выбрала именно она, поэтому ответственность лежала вроде бы как на ней. Не то чтобы она очень уж хотела угодить Владимиру, всерьез переживая, понравится ему эта деревушка или нет. Но все же. Ей хотелось, чтобы он оценил ее старания, ведь она так долго искала «райское местечко», где они смогут провести две «романтические» недели.

Когда Соня щебетала про «райское местечко» и «романтические недели», Владимир строил гримасу, к которой за время недолгой совместной с ним жизни она успела привыкнуть.

Владимир был измотан и измучен. Питьевая вода в пластиковой бутылке, именно такая, к какой он привык, нагрелась. Бутылка оказалась последней, что очень сильно его беспокоило. Упаковку он взял из Москвы, специально для себя, зная, что на первое время ему будет нужна именно эта вода, именно этой марки, именно в определенной бутылке. Но Соня выпила две из его запаса, хотя он прекрасно знал, что ей все равно, какую воду пить, и предлагал ей купить собственную воду. Но Соня не поняла, почему ему жалко воды, и даже обиделась. А он не стал объяснять, зная, что она не поймет.

В аэропорту была задержка – рейс чартерный. Соня делала большие удивленные глаза, как будто впервые слышала о существовании чартерных рейсов. Пять часов они просидели в кафе. Владимир не мог ни читать, ни следить за новостями, ни смотреть кино. Ему было душно, и он потел, как всегда происходило в те моменты, когда распланированный график его жизни давал сбой. Врач называл это паническими атаками, Владимир считал, что это – нормальная реакция нормального человека, который привык нести ответственность за собственную жизнь. Соня уверяла его, что, когда они ступят на землю того райского местечка, которое она нашла, он тут же забудет о проблемах с аэропортом. От словосочетания «райское местечко» Владимира уже подташнивало, как и от самой Сони, которая несколько не страдала и не мучилась, а терпеливо ждала – пила кофе, листала журналы, ходила по киоскам и общалась с такими же застрявшими между отдыхом и прошлой жизнью пассажирами. И это бесило Владимира больше всего: почему ей хорошо, когда ему так плохо?

Потом они летели, зажатые между семьями с детьми, бабушками в панамках и потными дедушками, рюкзаками для ручной клади в форме божьих коровок, мамами с глубокими декольте и пятнами на платьях, раздраженными папами и влюбленными парочками, которые держались за руки, как будто сейчас все разобьются, и всё, конец света, поэтому нужно непременно держаться за руки. Владимира тошнило все три часа лету. Он даже попросил у стюардессы пакетик и сграбастал с подноса горсть конфет под изумленным взглядом Сони и не очень одобрительным – мамы с сыном-подростком, как будто той не достанутся «взлетные конфеты» для ее чада, не знавшего, куда деть руки, свободные от планшета.

– Ты уверена, что нас встретят? – спросил он у Сони.

– Конечно, – ответила она, – а что?

– Я в этом совсем не уверен.

Соня улыбнулась. Она уже поняла, что у Владимира часто бывает плохое настроение, но пока не определилась, как на это реагировать.

– Ну почему ты такой грустный? – воскликнула она. – Все же хорошо!

– Я не грустный, – в сотый, тысячный раз отвечал Владимир.

Когда он делал пессимистические прогнозы, когда пытался предугадать риски, когда думал о плохом в надежде на хорошее, Соня называла его «грустным», отчего у Владимира начиналась настоящая паническая атака. Объяснять Соне, что такое рефлексия, генетика, он считал бессмысленным. Как и просить ее не употреблять слова «романтический», «райское местечко» и «грустный».

Да, Владимир был паникером и пессимистом. Такими были его отец и его дедушка. Когда он встречал человека, который улыбался без всякой на то причины и искренне говорил, что «все отлично», Владимир считал, что столкнулся с идиотом. И если женщине он мог простить этот недостаток, как прощал его Соне, то с мужчиной Владимир обрывал всяческие связи. А вдруг это заразно? Вдруг он тоже начнет радоваться солнышку и видеть хорошее там, где его не может быть?

Естественно, самые худшие, точнее, реалистичные предположения Владимира всегда оправдывались.

– Я же тебе говорил! – пытался он напомнить Соне то, что они обсуждали день назад, несколько часов назад.

Но Соня искренне не видела связи между событиями и верила, что все наладится.

Так получилось и на этот раз. Они выгрузились из самолета, пропустили вперед несколько детских колясок, в последний момент втиснулись в автобус, попали в конец длинной очереди, ведущей на паспортный контроль, и, наконец, оказались на свежем воздухе. Владимир потянулся за бутылкой воды. Соня забрала ее и отпила половину, после чего вернула. Тут Владимиру следовало опять вступать в объяснения, но у него не хватало сил. Он был брезглив. Еще в детстве он никогда, ни за что на свете не стал бы есть чужой вилкой или ложкой, даже если ее не облизали, из-за чего в детском саду ходил голодный и худой до синевы. Эту брезгливость он не «перерос», как перерастают детские болезни, напротив, она приобрела хронический характер. Ему нужна была своя собственная бутылка воды. И свой собственный стакан. Своя собственная чашка. Несмотря на жажду, он бы не заставил себя сделать глоток из бутылки, из которой уже отпила Соня. Да, они были близки, жили вместе, но к воде это не имело никакого отношения. Впрочем, объяснять это Соне было так же бессмысленно, как просить ее не употреблять в речи «романтический», «райское местечко», «мило» и «грустный». Список можно было продолжать. Поэтому Владимир достал из сумки еще одну бутылку воды, с которой решил не расставаться, чего бы это ему ни стоило.

Так вот, про свежий воздух, на котором они вроде как оказались. Воздуха не было вообще. Одна влажность. Владимир закашлялся и сразу вспотел во всех местах. Дышать было нечем. Он почти с ненавистью посмотрел на Соню, которая подставила лицо солнцу, вдохнула полной грудью и улыбнулась. Что, ей и сейчас хорошо? Но так не может быть. Для Владимира свежий воздух подразумевал температуру не выше двадцати одного градуса. Сейчас он не понимал, как мог согласиться на эту авантюру – доверить Соне выбор места для совместного отдыха. И вот, пожалуйста, он стоит на раскаленном асфальте, плавится от жары, задыхается и пьет теплую воду. А что будет дальше? Конечно же, ничего хорошего. Соня сказала, что устала от отелей и хочет провести время в милой, маленькой, частной, семейной (далее шли еще эпитеты, хотя Соня вряд ли знала

значение слова «эпитет») гостинице. Точнее, гостиничном комплексе, где у них будет отдельный «милый» (тут Владимира опять передернуло, и он всерьез подумал о таблетках, которые прописал ему врач) домик. Она будет варить ему кофе и жарить яичницу по утрам. А вечером наливать чай, вино. Они будут сидеть перед телевизором и смотреть кино.

Владимир даже в страшном сне не мог себе представить Соню, которая жарит яичницу и заваривает чай. Но что-то заставило его подчиниться и согласиться. Точнее, не что-то, а кто-то – Соня. Он хотел быть с ней. Где угодно. Несмотря на все эти «мило» и «грустный». Да, он хотел, чтобы она жарила ему яичницу и заваривала чай. Он хотел, чтобы у них был свой домик, а не гостиничный номер. В конце концов, он хотел, чтобы ей было хорошо.

И сейчас ей было хорошо, а ему плохо, очень плохо. Больше всего на свете он мечтал оказаться в машине с кондиционером, а потом, желательно очень скоро, в номере, доме или в любом другом помещении, но с кондиционированным воздухом.

– У тебя есть телефон человека, который нас должен встретить? – спросил Владимир, заранее зная ответ. Конечно, нет. Очевидно, нет.

Но Соня старательно пыталась найти в телефоне несуществующий номер.

– Это все из-за задержки рейса, – сказала она.

Владимир отпил теплой воды. Он спрашивал у Сони точный адрес, желая посмотреть место в Интернете, на карте, уточнить расстояние от аэропорта, но Соня говорила, что тогда не получится сюрприз. Владимир опять морщился – сюрпризы он не любил с детства. Тем более что от Сони можно было ожидать чего угодно. И теперь они стоят на обочине, с тремя огромными чемоданами и всего, всего одной бутылкой воды.

Соня рылась в сумочке в поисках листка, на котором было написано название места и адрес.

– Может, я его в чемодан положила? В косметичку? – переживала Соня. – Давай откроем чемодан?

Он называл Соню «белочкой» – она раскладывала вещи по маленьким, средним и большим пакетам, складывала украшения в разнообразные мешочки и потом забывала, куда что положила. Чтобы найти кольцо или серьги, ей приходилось развязывать все маленькие мешочки и перекладывать предметы из одного в другой. Она вполне могла для сохранности положить листок с адресом в ежедневник, который ей был совершенно не нужен, но она повсюду носила его с собой, ежедневник положить в косметичку, косметичку – в пакет и засунуть все это на дно чемодана.

– Или я положила листок в твою книгу, чтобы не помять? – рассуждала Соня.

Владимир открыл ей чемодан, и Соня рылась в вещах, перекладывая их из одной стопки в другую.

– Платье одно забыла взять, – сообщила она расстроено.

Владимир уже даже удивляться не мог – сил не было. Соня опять забыла, зачем полезла в чемодан, и увлеклась перекладыванием вещей.

К ним подбегала девушка, разыскивавшая потерявшихся туристов, которых ждали в отеле. Подходил таксист и спрашивал, куда отвезти. А Соня все еще рылась в чемоданах. Когда стоянка перед аэропортом временно опустела, на дороге появился старый автомобильчик. Водитель остановился прямо перед Владимиром и Соней и радостно выпрыгнул из машины. Учитывая то, что шоферу было явно за семьдесят, Владимир только позавидовал такой прыти. Сам он даже стоять уже не мог.

– Дорогие мои! – воскликнул мужчина. – Как же я рад вас видеть!

Он подскочил к несколько опешившей Соне и расцеловал ей руки. Потом потянулся к Владимиру, чтобы заключить в объятия, но тот вежливо протянул руку, испугавшись столь близкого тактильного контакта с незнакомым мужчиной.

– Ну что, как долетели? – Мужчина был настроен на светскую беседу и никуда не спешил.

- Плохо, рейс задержали, - ответил Владимир.

- Неужели? - удивился мужчина. - Это ваши чемоданы?

- Да, и они в ваш багажник не поместятся.

Владимир начал раздражаться. Как и следовало ожидать, Соня не озаботилась тем, чтобы заказать другую машину, учитывая количество багажа.

- Ой, все, когда приезжают, такие нервные, такие уставшие, а потом день, два - и уже никуда не спешат! - сказал мужчина и похлопал Владимира по плечу. Тот терпеть не мог, когда его кто-нибудь по чему-нибудь хлопал.

- Ну, давайте упакуем ваши чемоданы, - все еще веселился водитель, - так, один вошел, сейчас, только уберу свои вещи.

Багажник машины, как успел заметить Владимир, был грязный - там валялись тряпки, щетки, тапки и прочий хлам. И теперь два их чемодана будут собирать всю скопившуюся пыль.

Третий чемодан не влезал. Даже второй не давал захлопнуть багажник.

- Так, третий мы на заднее сиденье положим, а багажник сейчас веревкой закрепим, - сказал мужчина и медленно, очень медленно, с точки зрения Владимира, стал наматывать какие-то мертвые петли.

- А нас за это не оштрафуют? - уточнил Владимир.

- Нас? За что? - не понял мужчина.

Наконец, он закрепил веревку, подергал для надежности и усадил Соню на заднее сиденье.

- Поехали потихоньку?

Это была не фигура речи. Они ехали медленно. Очень медленно. Иногда водитель останавливался прямо посреди дороги и показывал вид из окна, называя деревушки, мимо которых они проезжали. Казалось, это не кончится никогда. Владимир допил воду и чувствовал, как язык прилипает к сухому нёбу. Его не интересовали деревушки, вид на море и красивая оливковая роща. Его интересовали вода, кондиционер и душ. Соня же восторгалась, чуть ли не аплодировала. И если бы у нее была возможность, она бы похлопала Владимира по коленке, чтобы он разделил ее восторг. Слава богу, он сидел впереди.

Один раз они остановились около супермаркета. Владимир был против незапланированных остановок, но покорился – вода оказалась жизненно необходима. Уже любая. В любой таре. Соня тут же кинулась рассматривать купальники, пляжные принадлежности и сувениры. Водитель вовсю кокетничал с кассиршей втрое моложе его. И, что удивительно, та была не против его комплиментов и флирта. В результате Соня вышла из магазина с сувениром, Владимир – с двумя бутылками воды, а водитель – с шоколадкой, которую тут же преподнес Соне. Она была счастлива. Владимир представил, что произойдет с шоколадом, и его начало подташнивать. Как вообще можно есть шоколад в такую жару, он не понимал.

Потом была еще одна остановка, на заправке. Владимир подумал, почему нельзя было заправить машину заранее, но знал, что на этот вопрос водитель ему точно не ответит.

– А сколько километров до гостиницы? – спросил Владимир..

– О! Совсем рядом! Шестнадцать! – ответил мужчина.

– От аэропорта или от того места, где мы сейчас находимся? – уточнил Владимир.

Соня и водитель посмотрели на него с недоумением, как будто он сказал очевидную глупость.

– Просто я хотел бы узнать, скоро ли мы доедем? – сказал Владимир.

– Очень нервный, – поохал водитель. – Ничего, через пару дней почувствуете себя другим человеком! А вон смотрите, какая скала! – обратился он уже к Соне

и, притормозив, поехал медленнее, давая возможность насладиться пейзажем.

- Как же хорошо! - воскликнула Соня.

Можно ли было найти что-то хорошее в том, что они сначала сидели в аэропорту из-за задержки рейса, потом сходили с ума в самолете, а теперь тащатся шестнадцать километров со скоростью двадцать километров в час? И тут Владимир почувствовал, как его прошиб пот, несмотря на, казалось бы, полное обезвоживание организма.

- А куда мы едем? - вдруг спросил он у водителя.

- Как куда? - удивился тот вопросу, но тоже начал заметно нервничать.

- Соня, как называется гостиничный комплекс? - спросил строго Владимир.

Соня тоже занервничала. Она, естественно, не помнила..

- Вы уверены, что должны были встретить именно нас?

Владимир вдруг осознал, что они сели в другую машину, к другому водителю и даже не уточнили адрес! И теперь едут туда, куда совсем не должны ехать!

Водитель остановился и начал рыться в бардачке в поисках не пойми чего. Для этого Владимиру пришлось отодвинуться и прижать колени к боковой двери. Соня возобновила поиски листка с адресом в собственной сумочке.

- Мне кажется, вы взяли не тех пассажиров, - сказал Владимир.

- Не может быть! - воскликнул водитель. - Я никогда не ошибаюсь! У меня наметанный глаз! Я чувствую наших гостей!

- И кого вы должны были встречать? Молодую пару?

Владимир чувствовал, что сейчас сорвется. Рядом с ним была Соня, которая даже за себя не могла нести ответственность, и пожилой водитель, у которого в

силу возраста наверняка мог быть маразм. И он, позволивший обстоятельствам сыграть с ним злую шутку.

- Ну да, а вы разве не молодожены? - с надеждой на лучшее спросил водитель.

- Нет! - чуть ли не закричал Владимир. - Я похож на молодожена? Я что, выгляжу, как влюбленный идиот?

- Нет, - ответил водитель, смерив Владимира осуждающим взглядом. Соня на заднем сиденье обиделась. Владимир не видел ее лица, но чувствовал флюиды; точно, обиделась.

- Нельзя так говорить о чувствах, - назидательно сказал водитель, - вы уже не молодой человек, и мне вас жаль. Вы не знаете, что такое настоящая любовь!

- А вы знаете, можно подумать! - Владимир тоже решил обидеться.

- Я - знаю! Я всегда влюблен! Поэтому я так молодо выгляжу! - воскликнул водитель.

- Ну да.

Владимир собирался съязвить про возраст, но вовремя остановился. Все-таки им нужно было добраться до места. Зачем нервировать человека, который отвечает за их безопасность?

- Мне сказали, что я должен встретить молодую влюбленную пару, - заявил водитель.

- А нам сказали, что у нас будет трансфер, - ответил Владимир.

К счастью, водитель его не услышал - он поехал дальше, чтобы показать Соне «восхитительный» вид, который откроется справа за поворотом. А уж потом выяснять, туда они едут или не туда.

Эти двое нашли друг друга со своими бесконечными ахами, вздохами, «восхитительными» видами, «очаровательными» рощами и «милыми»

пейзажами. Владимира уже с души воротило от этого сиропа, которым оба щедро поливали свою речь. Как будто нет других эпитетов. И он вынужден это слушать. И терпеть, пока Соня сделает очередное фото, а водитель соизволит не спеша двинуться дальше. И если сейчас выяснится, что они ошиблись адресом, а это совершенно неудивительно, то он сам окажется во всем виноват. Разве можно было доверить трансфер Соне? И сесть в машину, не выяснив, та эта машина или нет. И если произошла ошибка, что делать дальше? Вызывать такси и терять еще несколько часов на ожидание и дорогу до места? А вдруг они едут в противоположном направлении? Не исключено. Скорее всего, так оно и есть.

Владимир на самом деле злился на себя. Ему такие необдуманные поступки были совсем не свойственны. Что вообще с ним происходит? Он оказался в машине, которая везет его не пойми куда с этими двумя... э... настроенными на лирический лад спутниками.

– Вот! Нашла! В кармане! – заорала Соня, как будто обнаружила клад с несметными сокровищами.

Владимир очнулся от собственных мыслей. Он хотел выйти на ближайшей остановке или около кафе. Выгрузить свой чемодан, и пусть они едут дальше без него.

– Адрес! – Соня радостно разглядывала листок, который все это время был у нее под рукой.

Когда водитель и Соня сверяли адреса и обнимались, как давно потерянные и внезапно обретенные родственники, Владимир сидел в машине и по глотку смаковал воду. Именно смаковал, понимая, что больше воды нет и в ближайшее время точно не будет. От этого чувства пить хотелось все сильнее – жажда не отступала. В этот момент, который казался ему безумным изначально, он понял, что спасет его только питьевая вода.

– Я же говорила, что все будет хорошо! – восклицала Соня, но Владимир точно знал: то, что они сели в нужную машину – счастливая случайность, которая бывает в одном случае из ста. А в его случае не имеет никакого шанса на реализацию. И если с ним случилось такое счастье, то еще неизвестно, к чему оно приведет и чем придется заплатить. Причем по двойному тарифу.

Когда водитель с Соней выяснили, что они едут в нужное место и никакой ошибки нет, Соня сфотографировала очередную оливковую рощу, и они двинулись дальше. Они весело щебетали и обсуждали вид из окна – церквушки, домики, кустарники и поляны с цветами. Владимир прикрыл глаза и сделал вид, что задремал.

Он пытался понять, какие такие неведомые силы свели его с Соней и заставили отправиться с ней в эту поездку. Он помнил всегда и все, с фотографической точностью. Но тот момент – знакомства с Соней – воспроизвести не мог. Он расстался с Александрой, с которой прожил почти три года, и встретил Соню, молодую, красивую, пустую и гулкую, как ваза без цветов. У Сони были ямочки на щеках, ноги, которые никак не заканчивались, густые волосы, девичий румянец и глаза, которые занимали половину лица. Да, и ресницы – настолько длинные, что они мешали ей спать, цепляясь за веки. Такие ресницы Владимир видел только один раз – в детстве. Это воспоминание он тоже давно стер из памяти. В детском саду он был влюблен в девочку Кристину. У нее были такие ресницы, что она не могла спать днем. Девочка закрывала глаза и начинала чесаться – ресницы ей мешали. Кристина умела долго не моргать и была чемпионом по «гляделкам». Однажды маленький Владимир из любви и сострадания решил ей помочь и отстриг ресницы маникюрными ножницами воспитательницы, которые «украл» из стола. После этого он ни разу не был в садике и больше никогда Кристину не видел. Наверное, родители попросили оградить дочь от неадекватного мальчика, который способен ей навредить.

Владимир был старше Сони на пятнадцать лет. У нее были такие же ресницы, как у Кристины. И она была такой же покорной, как та девочка из детского сада. Соня смотрела на него доверчиво, как маленький ребенок на взрослых. Владимир наслаждался своей властью над этим чудом природы – над этими ногами, грудью, ямочками на щеках. Он знал, что любое его слово Соня будет воспринимать как вселенскую истину. Он видел, как она со своей детской подвижной психикой пытается под него подстроиться, угодить и поймать его одобряющий взгляд. Соня радовалась его похвале, его подаркам, как ребенок.

Как он позволил ей решать все за него? В какой момент это произошло? Он ее не любил. Был очарован, даже нет, не так: он смотрел на нее, как на человека, с которым у него нет и не может быть ничего общего. Она была женщиной с мозгами ребенка, которая вдруг стала от него зависеть. И не как Александра. А полностью, с потрохами. Да, она принадлежала ему абсолютно. Он мог ее разобрать и снова собрать, как игрушку. Он знал, о чем она думает, что

чувствует. Он знал, на какие рычаги нажать, чтобы получить желаемое. Соня в его руках была как кукла: наклонишь – и она закроет глаза, поднимешь – и она скажет «мама». И ему было интересно, куда и к чему это приведет. А еще ему было интересно, когда Соня сломается, когда ее заклинит от его бесконечных экспериментов. Когда она поведет себя как живая, нормальная женщина. И может ли она быть нормальной? Может ли кричать, устраивать истерики, иметь собственное мнение, ненавидеть, прощать, терпеть, страдать... Соня была куклой, в которую загрузили определенную программу, и она ее отработывала – улыбалась, красиво ходила, держала его под руку, снова улыбалась. Она даже спала красиво – не двигаясь, не шевелясь, в красивой шелковой ночной рубашке, которая никогда не мялась. От Сони всегда приятно пахло – чуть сладковато, чуть приторно. Владимир скорее из физиологического интереса, чем в приступе страсти, не пускал Соню в душ, чтобы узнать, чем она пахнет по-настоящему.

Александра всегда пахла липовым цветом. На самом деле, она пахла по-разному, предпочитая тяжелые, терпкие, сложносочиненные духи, но Владимир знал, что ее настоящий запах – липа. Лечебный, деревенский, быстро отцветающий, но дающий спокойствие. Говоря откровенно, Владимир точно не помнил, как именно пахнет липа, но представлял себе Александру именно такой – цветком с несоразмерными листьями, который снимает любую хворь. Липовый цвет точно не навредит. Успокоит, снимет тревогу, боль, температуру.

Соня всегда пахла так, как и должна пахнуть кукла, – сладко и стойко. Искусственный аромат, не вытравляемый ни запахом города, ни временем, въелся в нее намертво. Владимир даже мечтал о том, чтобы поймать новую ноту – запах вина, пота, сигарет, бензина, духоты, мороза – не важно. Но к Соне ничего не прилипало. Она всегда была свежа, и вечером этот запах лишь усиливался – искусственно-цветочный, без лишних примесей и следов натуральных компонентов. Соня была как концентрированный сок, который пахнет апельсином, на вкус как апельсин, но в нем нет и следа от цитрусовых. Обман, зафиксированный мелким шрифтом на упаковке. Достижения химической промышленности, а в случае с Соней – аномалия, которая не давала телу источать натуральные запахи.

Наверное, ему следовало прыгнуть с парашютом или отправиться в экстремальную поездку, но Владимир выбрал Соню и лишний раз убедился в том, что острые ощущения ему не нужны.

Они ехали еще минут десять, петляя по дорогам.

– Я поехал короткой! – гордо сообщил водитель.

На одном из поворотов, которых было немало, на достаточно крутом серпантине – Владимир успел заметить дорожный знак – крошечный автомобиль не выдержал. Старая модель с механической коробкой пережила многое, но никак не ожидала, что в ее багажник поместят два огромных чемодана. Наверное, машина привыкла возить в багажнике пакеты с луком, мясом или овощами, а не многочисленные и ненужные наряды капризных гостей.

Машина заглохла на повороте. Владимир понял, что не сидит, а лежит, ногами вверх – опасный угол наклона не предвещал ничего хорошего. Справа был обрыв, символически обнесенный защитным ограждением. Сверху – а они поднимались на горку – съезжали машины, и любая из них могла не успеть затормозить вовремя. У Владимира начался приступ – он осушил бутылку с водой и открыл еще одну. Не мог дышать, не мог смотреть в окно, не мог даже пошевелиться. А когда водитель, поставив машину на ручной тормоз, не включив аварийные сигналы, спокойно вышел из машины, в задумчивости уставившись под капот, а Соня выпорхнула, чтобы сделать удачные кадры, Владимиру стало плохо уже по-настоящему. Прямо сейчас он был готов вызвать такси, вернуться в аэропорт и улететь домой ближайшим рейсом. Его отдых начинался даже хуже, чем он предполагал, а предполагал он всегда самое худшее. Но представить себе, что будет лежать под углом в сорок пять градусов и гадать, скатится машина вниз или сорвется в пропасть, он не мог никак, даже в самых худших своих предположениях.

Водитель совершенно не нервничал. На противоположной стороне серпантина, на узкой дороге, рассчитанной на полтора автомобиля, где, с точки зрения Владимира, вообще должна была быть запрещена любая остановка, скопились машины. Водитель здоровался с каждым за руку и объяснял, что, мол, автомобиль не выдержал веса чемоданов и заглох. Все бурно обсуждали, что делать. Заглядывали под капот, кивали, размахивали руками. Соня же попала в центр внимания: водители-мужчины оглядывали ее жаждающим взглядом, а водитель гордился тем, что эта прекрасная нимфа – его пассажирка. Они оба выглядели довольными. Только Владимиру было плохо. Так плохо, как никогда. Страшно до такой степени, что все прошлые его фобии показались ему сущей ерундой.

– Смотри, как тут красиво! – сказала Соня и попыталась открыть переднюю дверь. – Выйди подыши!

Владимир сделал то, что должен был сделать, – нажал на кнопку, которая блокировала все двери. Он вжался в сиденье, поднял стекла и решил, что умрет прямо здесь и сейчас. Потому что так и должно быть.

Сколько он так просидел, запертый изнутри, не помнил. Только видел перепуганное лицо Сони, водителя и других мужчин, которые кричали, что все хорошо и нужно открыть двери. Они показывали ему знаками, что нужно нажать на кнопку, нет никаких проблем. Владимир думал, что они все сошли с ума, если полагают, что сложившаяся ситуация может считаться нормальной. И твердо решил оградить себя от этого скопища умалишенных. Он открывал на секунду глаза и видел, как съезжавшая с горы машина резко тормозит перед неожиданным препятствием. От неминуемой катастрофы его отделял миг. И Владимир закрывал глаза, готовый к полету в бездну. Наверное, он задремал или кровь прилила к голове, но в следующий момент Владимир почувствовал, как его обливают водой и бьют по щекам, да еще суют под нос какую-то дурно пахнущую гадость. Видимо, он случайно облокотился на дверь и нажал на кнопку разблокировки, чем воспользовались эти сумасшедшие.

– Все хорошо! Мы сейчас поедem! – кричал водитель и действительно завел мотор, и машина тяжело, неохотно, но изо всех сил начала карабкаться на гору. Владимир закрыл глаза, чтобы ничего не видеть. Если бы у него была возможность оглохнуть, он бы ею воспользовался. Соня причитала на заднем сиденье, в сотый раз рассказывая про задержку рейса, про тяжелый перелет и смену климата. Водитель говорил, что все дело в экологии и в первую очередь в питании. Соня соглашалась.

Наконец, они доехали до места. Владимир не ожидал, что эта стоянка окажется конечной, но так оно и было. Водитель ловко вписался между двумя садовыми вазами, в которых росли цветы.

– Ну вот, мы приехали. Вылезай. – Соня не то чтобы заботилась о его самочувствии, она не хотела произвести плохое впечатление. – Давай, выходи, а то все решат, что ты пьяный, – понукала она его.

Владимир вылез из машины и решил, что завтра же вызовет официальное такси и вернется в аэропорт. Нет, для начала узнает расписание, перспективы обмена билета, сумму возможной неустойки и потом улетит. И позвонит Александре. Немедленно. И забудет Соню и эту поездку как страшный сон.

- Нет, здесь чудесное место! - продолжала восклицать Соня, оглядываясь.

- Лишь бы было тихое. И людей поменьше, - прошептал Владимир.

- Что? - переспросила по обыкновению она.

- Ничего. Все хорошо, - ответил Владимир, также оглядываясь.

Несколько домиков стояли на одном, достаточно большом участке. Семейная гостиница. Домашний уют, теплота и отношение к каждому гостю как к дальнему родственнику, при этом любимому. Во всяком случае, так этот гостиничный комплекс описывала Соня.

- Значит, непрофессионалы, - заметил Владимир сам себе.

Соня продолжала расписывать достоинства:

- Гостиницей владеет семья. Чудесные люди.

- Чудесные люди - это не гарантия качества, - опять буркнул Владимир.

Он хотел побыстрее увидеть администратора и вручить чаевые человеку (кем бы он ни был), который бы донес чемоданы до их дома. Он хотел узнать, когда здесь завтракают и ужинают, в какое время производится уборка, есть ли вай-фай или он значится только на бумаге в описании достоинств отеля, и побыстрее принять душ. Но их никто не встречал, а водитель испарился, оставив открытой машину - чтобы гости сами могли вытащить чемоданы.

- Только не забудьте закрыть, - сказал он Владимиру, - проверьте, что хорошо захлопнули. А веревку в багажник положите.

Водитель расцеловал Соню, которая не возражала против этого, и пожал Владимиру руку, после чего немедленно исчез. Теперь они стояли посреди поляны и обзоредали «райское местечко».

Владимир вынужден был признать, что в гостиничный комплекс вложили душу и приложили руку, явно не без умения. Столики, стоявшие в саду, были расписаны цветами. На скамейках лежали подушки в тон столам. Вместо стеклянных ваз – крошечные горшочки, также ручной росписи, с цветами. Чувствовалась профессиональная забота садовника. Не стандартный ландшафтный декор, безликий, безупречный, а пусть и хаотичная рассадка, но сделанная со вкусом. В центре участка росла огромная пальма. На барной стойке стояли семейные фотографии, видимо, владельцев. Улыбающиеся загорелые счастливые люди. На самой стойке лежали подносы, деревянные, расписанные яблоками, гранатами и листьями. Даже кофейные чашки были не фарфоровые, белые, а глиняные, будто сбрызнутые краской и плохо высушенные. Было видно, что рука, которая касалась и подносов, и подушек, и столиков, и сада, – одна. Явно женская. Явно умелая и крепкая. Ну и судя по всему, уставшая. Иначе как объяснить, что под пальмой, посреди участка, стояла забытая гладильная доска. Ее, по всей видимости, собирались перенести в другое место, с глаз гостей долой, да бросили посреди дороги.

Владимир прошел по тропинке и чуть не упал, зацепившись за шланг для полива, так же, как и гладильная доска, забытый по причине более важных дел. Даже прокат велосипедов, о чем свидетельствовала табличка, выполненная каллиграфическим почерком, не был доведен до ума. На площадке под тентом стоял один старый ржавый велосипед со спущенным колесом. Впрочем, рядом, на полянке, предназначенной для подвижных игр, валялся еще один велосипед – новенький, свеженький, но без руля. Владимир успел подумать, что в этой местности велосипеды в принципе кажутся издевательством – только профессионал высокого класса может преодолеть все многочисленные горы и пригорки, которые вели к гостиничному комплексу.

– Надо вытащить чемоданы, – сказал Владимир.

Он переживал, что машина стоит открытая, демонстрируя свое содержимое посторонним. Ему было неприятно, что его багаж все еще в автомобиле. Не говоря уже о том, что вещи могли просто украсть. И еще один момент: если Владимира кто-то попросил что-то сделать, – пусть даже свернуть веревку и положить ее в багажник, и он на это согласился – он должен был исполнить

обещание. Впрочем, больше его волновали чемоданы.

Поэтому он снова вышел за ворота и начал отвязывать хитро накрученные узлы.

– Нет, ну как можно так все завязать?

Владимир признал собственную несостоятельность по части распутывания веревки. Он дергал, тянул, снова дергал, но ничего не получалось. Он начинал злиться: почему он должен распутывать узлы, чтобы забрать собственный багаж? В каком документе это зафиксировано? Или трансфер, за который он заплатил, предусматривает распутывание веревки? Еще сильнее, чем десять минут назад, он захотел зайти в дом, подключиться к вай-фаю и узнать расписание обратных рейсов.

Соня, совершенно равнодушная к попыткам выволочь из багажника чемоданы, потащила Владимира в сад, восторгаясь подушечками и стульями, выкрашенными в разные цвета – от бирюзового до ярко-оранжевого.

– Умираю хочу кофе, – сказала она, – и вина белого. Сейчас передохнем и спустимся к пляжу. Наверняка здесь чудесный крошечный пляж. Потом достанем чемоданы.

Соня сняла солнечные очки и подставила лицо солнцу.

– Я голоден, – сказал Владимир и взял с соседнего столика заламинированное меню, снабженное фотографиями блюд и кратким описанием каждого. Автор текстов, кем бы он ни был, явно страдал графоманией. Каждое блюдо описывалось настолько многословно, с использованием прилагательных в превосходной степени, что у Владимира даже улучшилось настроение.

– Ты только послушай, – обратился он к Соне и зачитал: – «Великолепное, свежайшее мясо, приготовленное заботливыми руками нашего мастер-шефа, известного далеко за пределами нашего скромного гостиничного комплекса, волею судеб и по счастью оказавшегося у нас, не оставит вас равнодушными».

– Ну и что? – Соня не поняла, над чем смеется Владимир.

- Это же кошмар, - сказал он.

- Почему кошмар? Разве ты не ешь мясо? Ну возьми салат или рыбу, - ответила Соня.

- Ты же знаешь, что на рыбу у меня аллергия. - Настроение Владимира резко испортилось.

- Да? - удивилась Соня. - Я думала, что только на эти... кедровые орехи... и мед. Но ведь в мясе нет меда и орехов.

- Ты издеваешься? - Владимир отложил меню.

- Почему ты злишься?

Соня смотрела на него изумленно. Такой он видел ее впервые. Она была явно раздражена и не пыталась это скрыть.

- Я не злюсь, прости, просто устал.

Владимир был очень признателен Соне за эмоции, которых он не ожидал. Она немного походила на Александру, которая чувствовала и выражала чувства быстрее, чем думала. Владимиру стало стыдно за свое брюзжание и придирки.

Сейчас он понял, что его привлекло в Соне и что ее отличало от Александры: удивительное безразличие, надежда на авось, бездумная, дурная, притом искренняя вера в то, что все само как-нибудь устроится. И, что удивительно, устраивалось. Водитель все же приехал, адрес оказался верным. Соня была уверена в том, что с ней не может случиться ничего плохого. Даже на серпантине свалиться с обрыва мог кто угодно, только не она. Соня была уверена, что пляж окажется прекрасным, море - чистым, дом - уютным, а еда - вкусной. Ни в одном из этих пунктов Владимир не мог с ней согласиться.

- Интересно, есть что-нибудь традиционное? Ты говорила, что здесь домашняя кухня. Может, они сделают мне омлет с ветчиной? Или тосты? Где официанты? И если что-нибудь пропадет из нашего багажа, я так это не оставлю! - сказал Владимир.

Соня млела на солнце, не слушая, что он ей говорит. Ей было хорошо. Просто отлично. Она даже двигаться не хотела. Очнулась только тогда, когда к ним подошел мужчина в фартуке и поварском колпаке, распахнул руки, как для объятий, отчего Владимир даже дернулся. Мужчина, тот самый водитель, потряс ему руку и расцеловал Соню в щеки.

– Я снова рад вас видеть! – сказал он. – Вы не представляете, как я рад! Ну что, не узнали меня? Ха-ха! Все дело в колпаке! Что вам приготовить? Пожелайте! Только скажите что! Я могу все! Не верите? Говорите! Что?

– Вы повар? – Владимир решил, что у него настала последняя стадия обезвоживания и начались галлюцинации, раз он видит перед собой водителя в фартуке.

– Я? Повар? Нет. Я – суперповар. Я – шеф-повар! Мастер-шеф! Вы знаете, что я работал в ресторане, в котором было столько мишленовских звезд, сколько нет у этой гостиницы? Вы знаете, с кем я работал? Нет, вы не знаете! О, вы многого обо мне не знаете! Вы видели наше меню? Это я писал тексты! Ведь я еще и пишу! И я вам скажу, что все книги рецептов, которые вы видели, – полная чушь. Когда-нибудь я напишу книгу, которая станет бестселлером! Я знаю, как приготовить любое блюдо. Испанское, итальянское, французское, немецкое? Просто скажите, что вы хотите! Какую кухню вы предпочитаете? Диеты? По группе крови? Белковые? Аллергии? На кедровые орехи? На арахис? На мед? И не смотрите на меня вот так! Да, я чувствую это! Так вот я вам скажу – с моей едой вы забудете про диеты и аллергию! Это я вам гарантирую!

– Я люблю салаты, – сказала Соня и сверкнула своими ямочками.

– А я вас уже люблю! Я полюбил вас с первого взгляда, но теперь, когда вы сказали про салаты, я буду любить вас всю свою жизнь! И пусть ваш... друг... зарежет меня от ревности моим собственным ножом!

Он пихнул Владимира в бок и принялся целовать Соне руки. Если считать время, которое они провели вместе, то есть с момента встречи до этого часа, водитель, он же повар, успел облобызать Соню столько раз, сколько не успел Владимир за все время их совместной жизни. Ему казалось, что Соня уже вся покрыта ровным слоем слюны этого любвеобильного павлина, который считает себя шефом, отчего Владимира опять затошнило, как на серпантине.

– Вы же водитель! – Владимир не понимал, почему этот факт удивляет только его. Еще его неприятно поразило то обстоятельство, что посторонний человек осведомлен о его аллергии. Соня успела ему рассказать? Но зачем?

– Я водитель? – засмеялся повар. – Каждый мужчина – водитель. Разве нет? Это так, способ развеяться. Мне нужны новые ощущения. Я должен чувствовать гостей, и нет ничего лучше, чем встретить их не на кухне, не за столом, а заранее. Это мой фирменный трюк. На самом деле я – повар!

– Почему вы встречаете гостей? Разве шеф-повара встречают гостей в аэропорту? – Владимир непременно хотел внести ясность.

– А он у вас всегда такой? – Водитель-повар приобнял Соню, отчего та засмеялась.

– Да, он очень переживает по любому поводу, – сказала она, – тем более что не смог развязать вашу веревку на багажнике.

Повар захохотал, довольный тем, что секрет его узлов так и не раскрыт, и прижал Соню к себе. Эти двое были так счастливы и радостны, что Владимир решил больше не принимать успокоительные таблетки – неужели лекарства так действуют?

– Я предпочитаю традиционную кухню, – сказал он, – и разве вы не получаете деньги за то, что работаете водителем? Мы ведь оплатили трансфер.

– Я? Деньги? Вы считаете, что я делаю это ради денег? Да, если я могу заработать, то не отказываюсь от этого! – Водитель-повар выглядел оскорбленным. – Я имею дело с консерватором? Я это понял сразу, как только вас увидел! Для меня это честь! Нет, вызов! Вы считаете, что все понимаете в традиционной кухне? А как вам традиции в сочетании с высокой кухней? Не можете ответить? И не пытайтесь! Такого вы еще не пробовали!

– Я не очень разбираюсь в высокой кухне.

– Что? Что он сказал? – Повар взмахнул руками и придвинулся к Соне, как придвигаются от врага к другу.

– Он предпочитает обычные домашние блюда. Что-нибудь простое. Овощной салат, например. Или котлеты с картофельным пюре. И, если возможно, на пару, – Соня говорила так, как будто перед ней и вправду стоял великий шеф, который считает ниже своего достоинства размять пюре.

– Простое? На пару? – Повар опять взмахнул руками и отшатнулся теперь уже от Сони. На Владимира он смотрел, как на тяжелобольного человека. Впрочем, в его взгляде читались и досада, и возмущение, и недоверие. – Меня зовут Макс. Если вас спросят, кто вас кормил, и вы скажете, что блюда готовил Макс, то поверьте, вам будут завидовать! Вот скажите, сколько мне лет? Не стесняйтесь, скажите мне прямо в глаза!

– За семьдесят? – предположил Владимир.

– И это ваш муж? Нет, он не может быть вашим мужем! Бойфренд? Друг? Любимый? Неважно. Как вы с ним живете? – ахнул повар и схватился за сердце, потом схватил руку Сони и прижал ее к губам. – Ужасный, ужасный человек. Он всегда такой или только когда голоден? А вам, молодой человек... – Макс презрительно похлопал Владимира по животу, который тот тщательно скрывал и втягивал. От этого панибратского похлопывания Владимир задохнулся, – так вот, вам, молодой человек, я бы очень посоветовал свой салат. Раз уж вы так печетесь о здоровье и боитесь собственной тени. Если у вас аллергия на все, у вас аллергия на жизнь, на чувства, на любовь, на эмоции! Да, я это утверждаю! Специально для вас я сделаю салат, который поможет вам избавиться от брюшка, пивного животика, пузика, мамона, жировой складки, или как вы там его называете, и от всех ваших страхов! Мне за семьдесят? За семьдесят? Я так выгляжу? Вот вам, дорогой мой, сколько лет – сорок, сорок два? А вид у вас, как у пятидесятилетнего. И взгляд такой же, уставший. И не говорите мне, что это из-за долгой дороги! Не поверю! Вы устали от жизни! Это написано на вашем лице и на всем, что я вижу! Кризис среднего возраста? Проблемы с потенцией? Простатит? Бессонница? Да! Повар видит все! Лучше всякого врача!

Макс говорил громко, бурно жестикулируя. От раздражения Владимир медленно покрывался пятнами, так с ним бывало, когда он сидел на плохом спектакле в театре или вынужден был наблюдать натужную игру актеров в кино. Нет, уже завтра ноги его здесь не будет. Еще какой-то повар будет ему хамить!

– Вам чуть за пятьдесят. Ну, может, пятьдесят четыре, – сказала Соня повару настолько искренне, что Владимир чуть со стула не упал. И повар сразу

охладел, заулыбался и посмотрел на нее влюбленным взглядом.

– Деточка, вы ангел! Боже, ваши ямочки! Они настоящие? – тут же начал кокетничать Макс. Соне его кокетство явно доставляло удовольствие. Она засмеялась и повернула голову в нужном ракурсе, давая повару полюбоваться улыбкой.

– Какой-то идиотский спектакль, – пробормотал Владимир.

– Что он сказал? – переспросил повар, игнорируя Владимира. – Хотя что он мог сказать? Деточка, я приготовлю вам десерт. У меня есть фирменный десерт со специальными ингредиентами. Для романтического ужина. И после этого десерта, я вас уверяю, ваш... э... друг... посмотрит на вас другими глазами! Моими глазами!

Соня продолжала сверкать улыбкой. Владимир в такие моменты называл Соню про себя «чеширской кошкой». И он точно знал, какой она породы – сфинкс. Обнаженная красота, привлекательная и отталкивающая одновременно. Владимир даже дотрагивался до Сони с некоторым содроганием – слишком уж просвечивала ее кожа, он чувствовал, как она дышит, как двигается под его руками. Его это завораживало, чего уж скрывать. Но и отталкивало своей открытой, откровенной анатомией.

– И что же за секрет? Что вы добавляете? – спросила Соня у повара.

– Ничего! Только свое восхищение вами и любовь! – Макс опять кинулся лобызать ей руки.

– Интересно, а шеф-повар может порезать огурцы и добавить оливковое масло? – Владимир спрашивал сам себя, понимая, что на него все равно никто не обращает внимания.

– А чем вы занимаетесь? – спросил у Сони Макс. – Нет, не говорите, я сам догадаюсь! Вы актриса. Или модель. Или танцовщица. Нет, вы – идеал!

– Поем я сегодня когда-нибудь? – буркнул Владимир. – Вы не могли бы вернуться к своим обязанностям?

– Молодой человек, я уже бегу на кухню! – сказал Макс и сделал вид, что бежит, вызвав благосклонную улыбку Сони. Эти двое устраивали спектакль друг для друга, а Владимир служил им реквизитом. – Что вы хотите? Если у вас язва, я сделаю так, чтобы ваша язва не пострадала. Если вы хотите улучшить свое мужское состояние, только мигните – и я все пойму. Если...

– У меня нет язвы. Я здоров, – перебил его Владимир. – Вы можете приготовить мясо? Обычный стейк. Средней прожарки. И салат. Обычный овощной салат.

– По субботам у нас барбекю. А сегодня – суббота, и вы получите свой стейк, – ответил Макс так брезгливо, как будто говорил о фастфуде. – И я не был бы так уверен насчет язвы, с вашим-то, эээ, животиком. Ну а простатит в вашем возрасте можно уже и не скрывать. Кстати, вы хорошо подумали насчет стейка, учитывая уровень холестерина в крови? Я бы так не рисковал. Ах, извините!

Повар улыбнулся, заметив, как исказилось лицо Владимира, и гордо удалился на кухню, послав Соне воздушный поцелуй.

– Что он о себе думает? – вспыхнул Владимир, изменив своей привычной сдержанности.

– А у тебя правда простатит?

Соня смотрела на него с интересом и жалостью, как смотрят на бездомных блохастых котят: с одной стороны, жалко, ведь такие милые, с другой – блохастые.

– Я здоров! У меня нет ни холестерина, ни простатита, ни язвы. У меня ничего нет! Только аллергия! На этого хама-повара! Я просто голоден. Понимаешь? Хочу есть! Нормальную еду! Если здесь не умеют готовить, то я сегодня же уеду из твоего «райского местечка!». А ты оставайся и ешь десерты с секретными ингредиентами, – Владимир передразнил интонацию повара. – Пусть тебе готовят водители, возят повара или наоборот. С меня хватит!

– Значит, у тебя и язва, и простатит, – сказала Соня, стараясь быть достаточно заботливой, – иначе бы так не злился. Это первый признак – отрицание своей болезни. Тебе нужно с этим смириться. Почему ты мне раньше не сказал? А врачи? Ты принимаешь лекарства?

- О господи! Ты что, сериалов насмотрелась?

Владимир, не в состоянии продолжать разговор, встал и пошел на веранду, откуда открывался вид на море.

- Макс! Макс! Ты на кухне? Макс!

На полянке появился молодой парень лет тридцати. Красивый, загорелый, подтянутый, с рельефными мускулами. Соня немедленно приняла самую выгодную позу и откинула волосы.

- Что случилось? - выглянул из кухни повар.

- Мама взяла кисти и банку с лаком! Идет сюда! - с ужасом сказал юноша. - А с утра она красила ногти!

- Что ты опять натворил? Нашел время! У нас новые гости! - Повар тоже разнервничался.

- Ничего я не сделал! Просто сказал, что хочу заниматься компьютерами! Наш сайт давно пора обновить! И кто за это возьмется? Почему я не могу делать то, что хочу? Дай мне пива! Нет, виски!

Парень опустился на высокий стул у барной стойки.

- За виски тебе мать оторвет голову и мне заодно, - сказал повар, доставая из холодильника бутылку пива. - Заодно отнеси этой прекрасной девушке белого вина. Вспомни, что пока ты официант, а не компьютерщик. У ее бойфренда простатит и язва. И еще дурной характер. Такой занудный, всем недоволен! Только приехал, а уже сплошные претензии. И почему она с ним живет? Никогда я не пойму этих женщин. Поэтому отнеси ей сразу бутылку, чтобы девочка так не страдала.

- У кого простатит? - уточнил юноша, собирая на поднос бокалы, воду и вино.

- У него.

Повар ткнул пальцем во Владимира, который из последних сил любовался видом на море, делая вид, что не слышит разговоров за спиной. Он глубоко дышал, чтобы унять приступ ярости. Хотелось ему одного: взять стул и опрокинуть на голову этого пустобреха-повара.

- Ты же знаешь, что в сезон маму лучше не нервировать, - продолжал повар.

- Но она опять завела разговор, что я должен ответственнее относиться к нашей гостинице. Все утро меня пилила! А я не хочу! Не хочу заниматься этой гостиницей! И знаешь, что я сделал? Отказался от наследства! Так ей и сказал, что мне ничего не нужно!

- Все-таки в детстве тебя неправильно кормили, - повар вытер руки. - Я же тебе предлагал салат для усиления мозгового кровообращения, почему ты его не ел? Если бы ты каждый день ел мой салат, ты бы сначала думал, а потом уже говорил! Зачем ты расстроил Ирэну? Неудивительно, что она схватилась за кисти. Ты хотя бы обо мне подумал?

- А ты тут при чем? - не понял юноша.

- При том, что запах краски уничтожит запах моих трав! А я только что подготовил базилик! Мне нужно срочно закрыть таз. И специи! Мои специи! Ты хоть понимаешь, что ставишь под удар мою репутацию шефа?

- Ты сейчас говоришь так же, как мама, - буркнул юноша, словно недовольный подросток.

- Да! Я буду говорить, как твоя мама, потому что... потому что... прикрой меня... ты меня не видел...

Повар вдруг присел за барную стойку.

- Что? - удивился юноша.

- Иди, неси вино и молчи! - раздался шепот повара.

По тропинке между домами шла женщина. На вид ей можно было дать и сорок, и пятьдесят. Увидев брошенную на поляне гладильную доску, которую Владимир заметил сразу же и расценил как очередной знак общей безалаберности персонала, женщина всхлипнула и без особого энтузиазма начала ее складывать, чтобы убрать. Точнее, сначала задумалась, с тоской глядя на доску. В руках у нее была стопка чистого белья, которое нужно было отнести в дом, и женщина не знала, как поступить – сначала отнести белье, а потом убрать доску, выбивавшуюся из общей картины, или убрать, а потом отнести белье. Некоторое время она постояла в нерешительности, а затем положила белье на шезлонг, стоявший рядом, и потащила доску на место. Назад она вернулась быстро, взяла чистое белье (стопка тут же рассыпалась) и, вскрикнув, начала снова аккуратно складывать простыни и полотенца.

Владимир смотрел на этот процесс с явным любопытством. Его всегда интересовала процедура складывания белья. Женщина делала это особым способом – складывая полотенца не поперек, а вдоль, и затем еще в два раза. Самые маленькие она ловко скручивала в валики. У Владимира тоже были собственные способы складывать футболки и рубашки. Он придерживал края подбородком, ровнял рукава и потом, перекинув, делал складку. Соня вообще не умела ничего складывать. Лишь однажды он попросил ее сложить рубашку, и она сначала разложила ее на кровати, потом загнула рукава... Владимир не выдержал и забрал рубашку, чтобы сложить самому. Соня так и не поняла, почему он рассердился. Из-за рубашки? Он не смог объяснить, что для него это важно, очень важно – как именно лежит рубашка. Они поругались, а Соня обиделась. Он чувствовал себя виноватым и раздраженным, не понимая, в чем именно его вина? В том, что он любит складывать рубашки определенным образом? В том, что Соня не умеет этого делать? Сейчас Владимир с удовольствием смотрел, как женщина ловко и аккуратно складывает простыни. Да, ей пятьдесят, но хорошо выглядит и держится в форме. Ресницы подкрашены, одежда сидит по фигуре. Наверняка очень приятная и милая. Сложив белье, женщина оглянулась и увидела повара, который в этот момент как раз выглянул из-за барной стойки.

– Ты? – Женщина снова уронила белье. – За что ты так со мной? Почему? Почему ты прячешься?

Повар опять нырнул за стойку, спрятавшись, как мальчишка. Владимир утвердился в своих подозрениях: такая хорошая женщина и такой мерзкий типчик этот повар. Недаром он ему сразу не понравился.

– Почему ты все время от меня скрываешься? – Женщина, бросив белье, кинулась к барной стойке. – Немедленно вылезай! Поговори со мной!

Неизвестно, что бы случилось в следующий момент, если бы на полянке не появилась женщина с банкой краски и малярной кистью в руках. Соня немедленно приняла позу вежливой скромной гостьи, слегка уставшей с дороги. Женщина шла решительно, как ходят хозяйки. Она сразу заметила все и всех – хватило одного взгляда. Даже Владимир оторвался от пейзажа и несколько суетливо вернулся на свое место. Юноша соскочил с табурета, схватил поднос и понес его гостям. Повар принялся шинковать морковь.

– Что здесь происходит? – Хозяйка говорила тихо, но очень уверенно.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась Соня. – Мы ваши новые гости.

Хозяйка смерила ее внимательным взглядом и улыбнулась Владимиру. Юноша, который расставлял бокалы на столе так, будто это было делом всей его жизни, кинулся забирать у хозяйки банку с краской:

– Мамуль, сегодня жарко, – сказал он, – тебе принести воды?

– Принеси мне шезлонг, – велела хозяйка, – и журнальный столик из гостевого дома с видом на сад. Быстро.

Юноша, судя по диалогу, сын хозяйки гостиницы, кинулся исполнять поручение, едва не сбив женщину.

– Прекрати рыдать, немедленно! – Хозяйка обратилась к женщине, по всей видимости, уборщице или домработнице. – Белье перестелить, все убрать.

Женщина тут же осушила слезы, подхватила белье и скрылась в гостевом доме.

Хозяйка огляделась и явно из вежливости, а не потому, что ей очень хотелось, под села к Соне и Владимиру.

– Очень рада с вами познакомиться. Меня зовут Ирэна, – хозяйка натужно улыбалась, но Соня смотрела на нее не без восхищения, даже с почтением. – Вы

уже познакомились с нашим шеф-поваром? – продолжала хозяйка, обращаясь к Владимиру, и было заметно, что ему это очень льстит. – Можете заказать любое блюдо. У нас домашняя кухня. Все продукты привозит мой сын, Константин. Вы его уже видели. Он работает и официантом, и шофером. Если вы захотите поехать в город, он с радостью вас отвезет, только предупредите заранее. По субботам у нас барбекю. Рыба, мясо. Только сделайте заказ заранее, что вы предпочитаете – мы привозим только свежие продукты.

– Мы от вашего шефа не можем дождаться обычного салата, – Владимир решил пожаловаться хозяйке, раз уж представилась такая возможность. – И нас встречал именно он. Между прочим, с огромным опозданием. Не говоря уже о том, что машина заглохла прямо на серпантине. Я боюсь высоты и пережил паническую атаку.

– Ничего страшного! Наш рейс задержали, наверняка возникла путаница. А салат мы ждем всего несколько минут! – зашебетала Соня, испепеляя Владимира взглядом. Во всяком случае, ей казалось, что она испепеляет. – Просто мы с дороги и немного проголодались. А когда мужчины голодны, то всегда злятся. Ну вы же знаете мужчин! Они как дети! А на серпантине мы застряли совсем ненадолго. Я сделала замечательные кадры! Не слушайте его, он всегда бурчит без всякого повода...

Прервав щебетание Сони, хозяйка взмахнула кистью и с грохотом положила ее на стол. От этого жеста Соня непроизвольно отшатнулась, и даже Владимир дернулся, отодвигая стул.

– Салат? Вы ждете обычный салат? – У хозяйки немедленно изменилось выражение лица. Она смотрела мимо и вверх.

– У вас тут так мило, так по-домашнему, – Соня лепетала, не зная, как разрядить обстановку.

– Иди сюда! – Хозяйка сказала это тихо, но не услышать ее было невозможно.

На поляне тут же появился сын, тащивший шезлонг.

– Мамуль, куда тебе его поставить? В тень? Столик уже несусь.

- Что? - Хозяйка пребывала в раздумьях и не сразу переключилась на сына.

- Где он? - требовательно спросила она.

- Стол? - Сын явно старался побыстрее сбежать от остекленевшего материнского взгляда.

- Какой стол? Где Макс? Ты опять его покрываешь? Почему гостей встречал он, а не ты? Почему Надя опять в слезах? Что он сделал? Если он немедленно не появится, то я сама вытащу его хоть из-под земли!

Хозяйка сделала вид, что приподнимается со стула.

Константин подавал знаки повару, который выглядывал из кухни.

- Мамуль, он на кухне, а где ему еще быть? Готовит для наших новых гостей. Салат, как они и просили. Наверняка со своим специальным соусом, - Константин лепетал так же, как Соня.

- Со специальным соусом?

Хозяйка все же встала с места, медленно дошла до шезлонга, поставила банку с лаком, положила кисть, освобождая руки, и все так же медленно пошла в сторону кухни.

Соня вжалась в стул. Владимир рассматривал скатерть так, будто впервые ее видел. Константин пятился к гостевому дому, из которого должен был принести стол.

- И если Макс ездил встречать гостей, то где был ты? - гаркнула на сына Ирэна.

- Мамуль, я не слышу. Сейчас принесу стол! - Константин закрыл дверь в домик.

- С тобой я еще поговорю! Позже! И не думай, что я забуду! - крикнула ему вслед хозяйка.

– Я не изменю свое решение! Хотя все тут перекрась, я не буду заниматься гостиницей! – отозвался сын откуда-то с балкона гостевого дома, но очень уж нерешительно.

Хозяйка направилась в сторону кухни, но ей навстречу уже выскочил повар.

– Ирэна, дорогая, ты прекрасно выглядишь! – Он схватил ее руку и начал целовать. – А я как раз хотел идти тебя искать. Ты меня не отпустишь на сегодняшний вечер или на выходные? Все равно же барбекю, а ты знаешь, что это не мой стиль.

– И у тебя хватает наглости меня об этом просить? Почему гости на тебя жалуются?

– Жалуются? Кто? Просто у того обаятельного мужчины язва и ему нужно что-то диетическое. Говоря по секрету, у него еще и простатит, и что-то еще нервное, да, и аллергия буквально на все, и я почти уверен, что еще и... эээ... мужское... э... бессилие... бедный, я просто голову сломал, как ему помочь! Мне кажется, нужно непременно добавить имбирь, как ты считаешь? А еще у него зашкаливает холестерин, тут можно не сомневаться. Очень сложный клиент! Я составлял для него отдельное меню! – Макс склонился к уху хозяйки, впрочем, ябедничал, не понижая голоса. Владимир опять дернулся на стуле и покраснел. Соня в одиночку уже уговорила полбутылки вина и не собиралась останавливаться. – Я предложил ему свой оригинальный фирменный соус, а бедной девочке, его спутнице, десерт для романтического ужина. Я же не виноват, что они отказались! И знаешь, что он заказал? Салат. Обычный салат из огурцов и помидоров!

– Если гости попросили салат, сделай салат, – рявкнула хозяйка, – и никаких выходных. Ты нужен мне здесь. Встанешь и будешь делать барбекю, как миленький!

– Дорогая, ты сейчас просто не в духе. Давай позже все обсудим. Хочешь, я лично сварю тебе кофе. С корицей? Или кориандром? Ты собиралась покрыть лаком шезлонг и стол? Тогда я пойду, накрою свои специи. – Повар склонился к руке хозяйки с поцелуем.

– Это невозможно. Только начало сезона, а мне уже нужен отдых. Кстати, почему Надя опять в слезах? – Хозяйка принялась массировать виски.

– Женщины... Они от меня без ума. Что я могу поделаться? Ты же знаешь, как она на меня реагирует. Над чужими чувствами я не властен! – Повар улыбнулся, победно поглядывая на Владимира.

– Я тоже хочу кофе. С корицей, – Соню разморило от вина..

– Макс, будь так добр, свари кофе, – велела хозяйка.

– Я не бармен, а повар! – Макс гордо прошествовал на кухню.

Хозяйка подошла к кофе-машине и приготовила две чашки – для себя и Сони.

– Надя, наша домработница, покажет вам дом, – сказала она.

– Это та женщина, которая плакала? – уточнил Владимир.

Но хозяйка не ответила. Она выпила кофе и сосредоточилась на шезлонге, аккуратными мазками покрывая его слоем лака.

Позже Соня жалела, что проспала самое интересное. Едва они оказались в доме, куда их привела заплаканная домработница, Соня легла на диван и погрузилась в дремоту, еще более тяжелую от того, что пришлось она на пустой желудок.

Надя, видимо, была из тех женщин, которые кормят, убирают, стирают, заботятся, причем делают это по велению души. Сбегав на кухню, она вернулась еще более заплаканная, но со свежим хлебом, куском ветчины, сыром, помидорами-огурцами и бутылкой вина. Проворно сделав сэндвич, так же проворно, с неженской легкостью и сноровкой откупорив бутылку вина, домработница усадила Владимира за стол и уселась напротив – смотреть, как он ест.

– Он каждый сезон женится, – говорила Надя, подкладывая на тарелку Владимира еще один, аккуратно очищенный от кожуры огурец. – Ему ведь уже семьдесят два, а он все не угомонится. И всем рассказывает, что ему шестьдесят

четыре. Пять раз был женат, а все свербит в одном месте. Ничему жизнь не научила. – Надя подлила в бокал своему невольному слушателю вина. – Вот опять собрался предложение делать, поэтому и выходной просил.

– Это вы о ком? – уточнил Владимир.

– Так о Максе, поваре! Я вам так скажу: вы его салаты с соусами лучше не заказывайте. Он такое туда намешивает, что в желудке никак не перемешивается. Так вот ему втемяшилось в голову, что его соусы чуть ли не чудодейственные. От всех болезней излечивают. Доктор хренов. А у самого болячек – не счесть. И только я о них знаю. Своим пассиям он про них не рассказывает. А сам волосы красит! Ну разве это нормально? Волос-то не осталось, а он, как женщина, все седину закрашивает, чтобы помоложе да посвежее казаться. И вы его не слушайте – он языком чешет, как корова траву жуёт. Я его все истории наизусть знаю. И все его приемчики – к ручке приложиться, комплимент сделать да поохать. А к мужчинам он ревнует. Как видит гостя старше сорока, так сразу его от простатита начинает лечить. Или от нервов. А уж язву каждому второму «ставит», знахарь доморощенный. Попадет в одном случае из трех, так чуть ли не экстрасенсом себя чувствует. А кто сейчас здоров? Нет таких. В любого пальцем ткни – гнилое место найдешь. Я так вам скажу, у кого что болит. Это у Макса и простатит, и язва, и нервы. А уж как он начнет про свои подвиги сексуальные заливать, так не остановишь. Ну, я вам по секрету скажу: подвиги так себе. И другие подвиги видали. Но у него же самомнение! Каждое лето влюбляется, курортный роман у него, видите ли, и сразу делает предложение, говорит, что эта любовь – на всю жизнь. И что? Женщин понять можно. Каждой приятно. А если немолодая и давно без мужчины, так ей бальзам на душу. Под таким натиском никто не устоит. Если бы мне так в уши заливали да сразу жениться позвали, то и я бы не устояла. Хочется ведь женского счастья. И семьи хочется, чтобы не одной доживать. Вдвоем-то всяко легче.

Ну а потом, когда глаза открываются, да отпуск к концу подходит, все его невесты исчезают. Никому он не нужен, получается. И приползает сюда, ко мне. Готовить не может, страдает, переживает, лежит с приступом – язва его открывается, хозяйка сердится, гости голодные ходят. Кому такое понравится? Он вам уже говорил, что он гений? Нет? Так еще скажет раз двести. Раз гений, его терпеть должны. Не понимает, старый дурак, что никому не нужен. И где он работу такую найдет, чтобы гостей изводить своими соусами? Хорошо, что Ирэна его терпит. Да я принимаю. Все надеюсь, что угомонится, получит по лбу, так

неповадно будет. А он – снова-здорово. Еще и Константин матери нервы треплет. Но тот ладно, по молодости, по дурости. А этот? Вот опять за старое. Ладно, пойду я. Ирэна наверняка уже в бешенстве – лаком даже здесь пахнет. Если ее не остановить, она тут все краской зальет. Успокаивается она так. Мечтает Константину передать дела гостиницы и заняться реставрацией мебели. Вот это все – ее рук дело. А тот тоже, как младенец, все из-под маминой юбки не вылезет. Здоровый мужик, а ведет себя как подросток. Они с Максом – два сапога пара, вот и покрывают друг дружку. Скачут, как козлы, да выделяются, как петухи. Сил нет смотреть. А когда хвост прижмет, так один к мамке кидается, а другой – ко мне. Ох, где бы сил взять да терпения? Ирэна – она святая. Все прощает. Я так не могу. Плачу часто. И этого ирода задушить готова.

Надя явно восторгалась хозяйкой.

– Ирэна такая умница, такая трудяга! Все здесь сделала. А какой у нее вкус! Бусы деревянные может как бриллианты носить. Из старого куска ткани роскошную обивку сделать. Что-то передвинет, переставит, подкрасит и все – интерьер для журнала. Кому сказать, где она эти стулья нашла, не поверят. Все в дом несет, как птичка. Гнездо вьет. Таковую могла карьеру сделать, а вот наступила на свою гордость, чтобы мужчинам ее хорошо было. Я так не могу, стараюсь, но не получается. Поэтому одна. Муж был, да не сохранила я его. Теперь думаю, что надо было смолчать, стерпеть, пережить. Жила бы сейчас спокойно и унитаза бы не чистила. Я ведь ничего и не умею... Жизнь прошла, а я так и не выучилась.

– Почему ничего не умеете? Вы так красиво складываете белье! Я видел! Даже залюбовался, – признался Владимир.

Надя улыбнулась – ей был приятен не столько комплимент, сколько внимание.

– Ох, за столько лет любой научится и складывать и застилать, – скромно сказала Надя.

– Нет, тут тоже особый талант надо иметь.

Владимир, накормленный и напоенный, с бокалом вина сел в кресло под кондиционер и наконец смог рассмотреть обстановку. Да, талант и вкус у хозяйки были, вне всяких сомнений. На столе стоял деревянный поднос,

расписанный гранатами. Гранаты выглядели как настоящие – слегка подмятые и отлежавшие один бок, как будто надрезанные рукой торговки на рынке, чтобы продемонстрировать спелые внутренности. На стене висела картина. Точнее, багет. Стена – каменная, шероховатая – была самой картиной. Обивка на стульях тоже явно ручной работы. Сами стулья – старые, давно утратившие былую молодую прочность, не сдавали позиций. Сиденья, латаные, перетянутые не единожды, стертые, залитые, отчищенные, полинявшие от пятновыводителей, тем не менее смотрелись трогательно, как смотрятся пыльные и сероватые тюлевые занавески в доме у пожилой дальней родственницы. Или связанные много лет назад крючком салфетки, трогательно и наивно украшающие журнальный столик. Стулья были непарные, собранные на блошином рынке или распродаже – два деревянных, один с мягкими подлокотниками, еще один похожий на трон, с высокой деревянной спинкой. Но они не мешали друг другу за одним столом, а смотрелись ансамблем, будто члены дружной семьи. Высокая спинка – для отца семейства, мягкие подлокотники – для супруги, деревянные – для детей. В прихожей трогательно жались к стене табуретка и детский деревянный стульчик с вырезанной на спинке лошадкой. И не было ни единого сомнения, что на этом стульчике когда-то сидел Константин, и лошадку Ирэна вырезала специально для сына. Да, гостиничный домик, впуская все новых и новых гостей, умудрялся оставаться домашним. То ли за счет тарелок, таких же разномастных, как и стулья, то ли бокалов, собранных из разных сервизов. Вот, салатник на столе – точно из сервиза – наверняка подарок на свадьбу или юбилей. Двадцать шесть предметов. Перламутр. Интересно, в других домах так же? Наверняка.

– В каждом доме – свой стиль. Ирэна так хотела, – домработница будто прочла мысли Владимира, – каждый дом даже имеет имя. Вот ваш дом называется «Хора».

– Почему?

– Случайно получилось. Ирэна назвала его «Терпсихора», в честь музы танцев. Константин вместо того, чтобы принести одну деревянную заготовку – написать название, – принес две. Но Ирэне так даже больше понравилось. На одной части она написала «Терпси», на другой – «Хора». Вешал табличку, конечно, Константин. Прибил неправильно, местами перепутал, выдергивал, снова прибавал. Неудачно ударил, и первая часть разломилась. Ирэна решила, что это – знак. И оставила только вторую часть.

– Забавно.

– Ладно, пойду я. Отдыхайте, – сказала домработница.

Она придержала дверь, аккуратно щелкнув замком, за что Владимир был ей благодарен.

Соня спала на диване, слегка похрапывая. Раньше Владимир за ней такого не замечал. Он поднялся на второй этаж, где располагалась спальня. Сначала он даже не понял, где оказался. Над кроватью висели полотнища ткани. В комнате было темно и прохладно. На ощупь прошел к стене, где в его представлении должно было быть окно, но вместо этого наткнулся на дверь. Значит, здесь балкон, запертый на время жары глухими ставнями. Минут десять Владимир дергал за все ручки, за все выступы, нажимал на ставни, тянул, толкал, давил, но ставни не открывались. В какой-то момент он, как слепец, обшарил руками каждый сантиметр двери, но секрет открывания ставен так и не разгадал. Измученный, он лег на кровать под балдахин и уснул сразу же, хотя к балдахинам у него до этого было однозначное отношение. Владимир их боялся. Наверное, есть такая форма фобии – боязнь, что балдахин упадет, укутает, как куколку, и в нем, как младенец в жестком пеленании, задохнешься.

Его разбудил звук душа. Соня вышла из ванной свежая, молодая и прекрасная. Одним движением она распахнула ставни балкона и впустила свет – уже не яркий, послеполуденный, даже ближе к закатному. Впрочем, Владимир не знал, который час, сколько он проспал, и мог допустить, что уже рассвет. Балкон оказался крошечным, с видом на автостоянку – пяточок на полторы машины. Оставалось удивляться, как там помещается мотоцикл-скутер и две малолитражки. Даже стоянки коснулась рука Ирэны – ограничителями для парковки служили две напольные садовые вазы. Там же рос красивый куст дикой розы. А скутер соседствовал с кактусом внушительных размеров. Владимир думал о том, как машины выезжают с автостоянки, учитывая приткнувшийся к стене мусорный бак, и бордюр, ограждавший рощицу. Соня в нижнем белье ойкнула и прикрылась занавеской. Со стоянки донеслись восторженные возгласы и крики:

– Соня! Соня! Вы будете мясо или рыбу сегодня на барбекю? – Владимир узнал голос повара Макса, из чего заключил, что спал он всего пару часов и есть надежда, наконец, нормально поужинать. – Я еду за продуктами, дорогая!

- Что ты будешь? - почему-то шепотом спросила у Владимира Соня.

- Мясо, - ответил Владимир.

- Я буду рыбу, а Владимир - мясо, - прокричала Соня в балконную дверь.

- Он не будет есть мясо! Я у него даже не спрашиваю! - крикнул в ответ Макс. - Он будет есть мой салат из двадцати ингредиентов! Я приготовлю специально для него. И пусть он только попробует отказаться от моего салата!

- Он обязательно попробует! - прокричала Соня.

- Ни за что, - буркнул Владимир. - Или мне дадут сегодня нормальный кусок мяса, или я завтра же уеду.

Соня села к трюмо и начала причесываться. Владимир, лежа под балдахином, смотрел на нее. Точнее, на трюмо. Точно такое же было у его бабушки. Деревянное, с круглым зеркалом, которое можно было опускать и поднимать. С маленьким шкафчиком, который - он в этом не сомневался - слегка заедал и открывался не без усилий - чтобы прятать дамские украшения и косметику. Бабушка открывала его с легкостью, а Владимир, сколько ни пытался заглянуть в секретный ящик, так и не мог справиться с хитрым замком, который нужно было приподнять, а потом резко отпустить. Он даже со ставнями не справился, а Соня легко их открыла. Об этом он подумал уже с неудовольствием. Перед трюмо стояла крошечная, игрушечная табуретка, на которой нужно было не только уместиться, но и удержаться. Табуретка обязывала держать спину и вытягивать шею - иначе невозможно было поймать собственное отражение в зеркале. Соне давалось это без труда. Она орудовала кисточкой, мурлыкала и выгибала спину. Не для него, для себя.

- Мне нравится, когда ты так на меня смотришь, - сказала она, поймав его взгляд в зеркале.

- Я не на тебя смотрю, - ответил искренне Владимир, что мало когда себе позволял. Искренность он считал таким же неуместным качеством или привычкой, как кричать на весь двор, выясняя, что люди предпочитают на ужин. - Кстати, ты храпишь, - сообщил он Соне, удивляясь, что под этим балдахином, пыльным, но стильным, надо отдать хозяйке должное, он говорил

первое, что приходило на ум и срывалось с языка.

– Я храплю?

Соня в ужасе замерла. Но этот взгляд Владимир уже знал. Соня его использовала во всех случаях, когда нужно было испугаться, сильно удивиться или так же сильно обидеться. Точно так же она реагировала на его замечания по поводу правильного складывания вещей на полке.

– Да, ты храпишь, – подтвердил Владимир.

Образ Сони, лежащей на диване со слегка приоткрытым ртом, выдувающей рулады, тут же встал перед его глазами. И эта Соня, сидящая напротив, красивая, до неприличия красивая, превратилась в ту Соню – храпящую, искреннюю, уставшую, голодную, пьяную, не пойми зачем оказавшуюся рядом с ним.

Владимир рассматривал складки балдахина, думая о том, что знает о Соне и что его связывает с женщиной, ради которой он лишил себя спокойной, размеренной жизни с Александрой, подходившей ему во всем. До такой степени, что Владимир иногда думал, что живет с самим собой, только в женском облики. Нет, неправильно – Александра была такой, как ему нужно, как ему хотелось. И он знал, как его жизнь с ней сложится дальше. Поминутно. И вдруг появилась Соня – женщина, с которой невозможно было ни разговаривать, ни жить. С которой не знаешь, что произойдет в следующий момент. С которой он каждый день оказывался на серпантине.

Надо признать, что Соня не была уж совсем дурочкой. Да, она не блистала умом, но судьба и природа, наградившие ее красотой и обделившие мозгами, дали ей в виде бонуса легкость, непоколебимый оптимизм и счастливую судьбу. Она могла и пальцем не пошевелить, а звезды складывались удачно – помимо ее воли. Иначе как объяснить тот факт, что Соня, мечтавшая стать актрисой, провалилась, поступая в театральное училище, но сумела окончить институт по маловнятной специальности и получить работу секретаря в крупной компании. С точки зрения Владимира, Соня не то что секретарем, уборщицей бы не могла работать. Но нет: и работа была, и деньги, и без интима.

Соня относилась к счастливой безвозрастной породе женщин, которые в тридцать выглядят на двадцать три, в тридцать семь – на тридцать, а в сорок – все равно на тридцать, но уже только со спины. В пятьдесят им опять двадцать три, опять же если смотреть со спины, а если с лица – то непонятно. У них появляются морщины, что можно отнести на счет излишнего увлечения ультрафиолетом, но взгляд остается детским – в нем нет ни мудрости, ни опыта, ни грусти, ничего. Такие вечно детские глазенки, в которых можно прочесть все, о чем она думает и что чувствует. Вот сейчас немного подумает и рассердится, а уже в следующий момент расплачется. Но если она радовалась, то глаза светились таким неподдельным восторгом, который уже даже пятилетние дети растеряли.

Когда они только начали встречаться, Владимир подолгу разглядывал ее лицо, пытаясь определить, что именно его так привлекает и одновременно отталкивает. Он пришел к выводу, что все дело было в симметрии, которая не свойственна человеческим лицам, но была характерна для Сониного.

Та девочка из детского сада, Кристина... У нее была любимая кукла. Она приходила с ней в садик и всюду таскала за собой. Без куклы Кристина не могла провести ни минуты, что омрачало жизнь маленького Володи, который очень любил Кристину и так же сильно не любил ее куклу. Володе казалось, что кукла, сидевшая на стульчике рядом со своей хозяйкой, следит за ним взглядом. И куда бы он ни двинулся, вправо, влево, увернуться от стеклянных всевидящих глаз куклы было невозможно. Он проводил эксперименты, прятался под столом, отбегал, но кукла следила за ним, он это точно знал. Он не раз тайком отрывал кукле руки, ноги и голову, а воспитательница под плач Кристины возвращала на место части тела. Соня напоминала ему одновременно и Кристину, и ее куклу.

Соня отличалась от Александры, да и от других женщин, которых знал Владимир, натурой – смешливой, легкой, быстрой. Она не могла подолгу страдать, не была злопамятной и завистливой. Она была доброй, участливой, открытой и совершенно беззащитной. Когда возникали трудности, она сверкала очаровательными ямочками на щеках, которые и покоряли в первый момент, и раздражали потом. Она могла заплакать, но слезы были тоже кукольные, ненастоящие, пропитанные хлоркой, как вода из крана, которую можно открыть и закрыть. Слезы были такие же бутилированные, как лед, стаявший со склонов Альп и упакованный в пластик.

Для полноты картины Соне, конечно же, следовало быть сиротой, или девушкой со сложной судьбой, или из глубинки. Но Соня была москвичкой при живых родителях, пусть и разведенных к взаимной радости. Отец давно жил в другой семье, до которой Соне не было никакого дела. Мать, от которой Соне достались ямочки, тоже пребывала в счастливом браке, то ли четвертом, то ли пятом по счету. Еще у Сони была бабуля, которая любила позвонить любимой внучке и начать описывать имущество, которое достанется ей в скором будущем. Бабуля считала, что внучку очень поддержит мысль о скором наследстве. Впрочем, бабуля умирать не собиралась: делала по утрам гимнастику, соблюдала режим, совершала оздоровительные прогулки и ответственно «выхаживала» годовую медицинскую страховку в хорошей клинике.

Вот, собственно, и все, что знал Владимир о Соне. О прошлом они оба не сговариваясь молчали. Владимир не собирался посвящать ее в свои отношения с Александрой, да и узнавать о Сониных победах ему не очень-то хотелось.

Ее мелкие проявления чуткости и заботы Владимира трогали. Он знал за собой недостаток – говорил очень тихо. И Соня кивала и сразу соглашалась, когда не могла расслышать то, что он сказал. Владимир это точно знал – проводил эксперимент, такой же дурацкий и детский, как с куклой Кристины в детском саду. Бурчал под нос чушь и знал, что Соня улыбнется и скажет: «Да, конечно». Она даже предпринимала попытки приготовить ему завтрак, не сразу, но сообразив, что он сам делает бутерброд и совсем не нужно смешивать ингредиенты, пытаясь намазать на хлеб масло и прикрыть все колбасой. Соня ставила на стол масленку, варила яйцо, резала хлеб. Однажды даже сварила ему овсянку. Владимир попросил ее больше этого не делать. За своим питанием он следил сам, разобравшись с мультиваркой. Да, ему не хватало Александры, которая собирала ему в пластиковый контейнер ланч и колдовала над паровыми котлетами. Но Владимир мог поесть и в кафе рядом с домом, где стал постоянным клиентом. Там даже суп подавали именно той температуры, которую он предпочитал.

И если вопрос питания он решил быстро, то с собой договориться не получалось. Зачем он жил с женщиной с прекрасной фигурой, не менее прекрасными ямочками на щеках, волосами, руками, глазами, ресницами, всем, что только может быть прекрасным, которая не давала ему ничего? Ни тепла, ни света, ни искренности, ни любви. Он жил с куклой, которая следила за ним взглядом, куда бы он ни отошел. Куклой с пластмассовыми руками, отлитым по форме идеальным телом, стеклянными глазами идеальной формы, сверкающими синим

цветом, которого не бывает в природе, и пустыми, полыми внутренностями, которые он хотел заполнить, но не знал чем и, главное, зачем. Может, в этой полости и заключалось ее и его счастье?

– Я хочу искупаться перед ужином, – сказал Владимир, решительно выбираясь из-под полотнищ ткани и из собственных мыслей.

– Но я уже помыла голову и кремом намазалась! – воскликнула Соня.

– Я один схожу.

Владимир быстро надел плавательные шорты, взял полотенце и с облегчением вышел из дома. Именно с облегчением. Поначалу ему нравилось смотреть, как Соня «рисует» лицо, мажется кремом, одевается, рассматривает себя придирчиво в зеркале. Но теперь этот процесс вызывал у него даже не раздражение, а отторжение. Смытая Соня прорисовывалась, превращаясь в красивую женщину, рядом с которой он чувствовал себя некомфортно и которой не соответствовал. Он не мог представить Соню беременной, кормящей, в песке из детской песочницы. Он не имел над ней власти. Даже материальной, что выводило его из себя. Соня зарабатывала, он не знал точно, сколько именно, но она ни разу не попросила у него денег. Все, что ей было необходимо, она могла купить сама. При этом была искренне равнодушна к деньгам, драгоценностям и вещам, что совершенно не укладывалось у Владимира в голове. Если были деньги, она их тратила. Если не было, не тратила. Ей не нужны были бриллианты и шубы. Владимиру не приходилось выпрыгивать из штанов, чтобы удовлетворить потребности подруги. Он ведь ее даже не завоевывал. Встретились пару раз и начали жить вместе. Без притирок, договоренностей, условий и требований.

Почему Соня, а не Александра? Владимир не знал. Искал ответ и не находил. В Александре было все, что ему нравилось, – и сдержанность, и терпение, и умеренная, не бросающаяся в глаза красота. Про таких женщин не говорят «красивая», скорее «милая», «приятная», «по-своему очаровательная». Они подходили друг другу. Да и мозги у Александры были. Но он ее бросил, так и не женившись. Устал быть виноватым, что не желает семьи, детей и зарегистрированного брака. Нет, Александра ничего не требовала, но Владимир устал сам от себя. Он знал, что она ждет, знал, что готова ждать еще, не будет

давить. И от этого страдал еще больше, чувствуя себя подлецом. Может, если бы она надавила, поставила перед выбором, попросила, забеременела, использовала бы любые женские способы, чтобы довести его до загса, было бы проще? Он бы согласился, чтобы жить спокойно дальше, без чувства вины, которое росло с каждым днем. Но она не попросила.

– Почему? – спросила Александра, когда он сообщил ей, что они должны расстаться.

Она смотрела на него как на чужого, постороннего человека, от которого можно ожидать чего угодно.

– Я не знаю, – ответил Владимир.

И это было честно. Он не знал.

Теперь он шел в сторону пляжа и вспоминал Александру. Очень хотелось ей позвонить и сказать, что ему плохо без нее. Что он сидит в семейной гостинице, куда его притащила Соня, ест бутерброды, которые сделала домработница, и на ужин его ждет салат из двадцати ингредиентов от сумасшедшего шеф-повара. Он не в отеле, не в ресторане с вышколенными официантами, а в этом «райском местечке», куда еле добрался. Он хотел ей рассказать, как они едва не свалились в пропасть, как он спал под балдахином, как узнал, что их домик имеет собственное имя. И Александра бы его поняла: она бы посмеялась, пошутила, и ему бы стало легче. Она бы сказала, что делать дальше. Только одного он не смог бы ей объяснить – почему он сюда вообще поехал.

На полянке перед баром домработница Надя застилала столы бумажными скатертями. Хозяйка Ирэна разглядывала свежеевыкрашенный шезлонг, который под взглядом матери переносил туда-сюда Константин. Повар Макс колдовал в зоне барбекю, чем был явно недоволен.

Владимир свернул на неприметную тропинку между домами, не желая мешать хозяевам своим присутствием. Он спугнул кошку, сидевшую на ступеньках, увидел крошечную грядку с заботливо подвязанными помидорами, споткнулся о шланг, который так и не был убран после полива, и, наконец, дошел до пляжа.

Пляж был крошечный, но чистенький. Ступени вели вниз, утопая в песке. Сбоку притулился навес с инвентарем для водных развлечений. Листок бумаги, прикрепленный к гвоздю, сообщал, что весь инвентарь – только для гостей комплекса, которых просили после использования вернуть все на место. Владимир осмотрел имущество – детские надувные круги, нарукавники, одна двухместная байдарка и одна одноместная, правда, без весел, детские совочки, ведерки, корзина с ракушками, наверняка собранными детьми, и небольшая стопка шезлонгов.

Владимир взял один, решив полежать спокойно. Перетащил его за выступ скалы, подальше от любопытных взглядов. Однако пляж все равно не предполагал уединения: с той самой террасы, которая сразу привлекла Владимира, открывался вид не только на море, но и на все, что происходило на пляже и за скалой. Так что гости, решившие выпить кофе в послеполуденный зной, могли наблюдать и за тем, что происходит в баре, и за теми, кто жарился на пляже. Прямо стратегическая точка для любителей быть посвященными в жизнь соседей.

Когда Владимир оказался за скалой, где уже не было песка, а лежали камни, он увидел мужчину, который сидел на раскладном стульчике и смотрел на море. Единственный пятачок, куда Владимир мог пристроить свой шезлонг, оказался занят.

– Простите. – Он потащил шезлонг назад.

– Там уже началось? – окликнул его мужчина.

– Еще нет. Готовятся, – ответил Владимир.

– Здесь хорошо. Я люблю это место, – сказал мужчина. – Идите, я подвинусь. Знаете, еще три года назад ступени сразу выходили в воду. Я так специально придумал. Чтобы сразу в воду. А теперь у нас пляж и песок. Я не люблю песок, люблю камни. Раньше лучше было и народу меньше. Вообще никого. Я выходил на лодке в море и фотографировал ступеньки, уходящие в воду. Очень красивые фотографии, я вам покажу.

Владимир с трудом установил свой шезлонг рядом со стульчиком мужчины и прилег.

- Меня зовут Дмитрий, – представился собеседник и протянул руку.
- Владимир, я гость здесь. Только сегодня приехал.
- Сегодня барбекю, – сказал Дмитрий.
- Я знаю, – буркнул Владимир, недоумевая, отчего всем далось это барбекю. – Пообедать я так и не смог. Спасибо, домработница бутерброд дала.
- Значит, вы уже познакомились с Максом? – расхохотался Дмитрий. – Тогда вам придется выдержать его салат из секретных ингредиентов. Со специальным соусом. Каждый сезон он увеличивает количество ингредиентов. Сколько на этот раз? Пятнадцать?
- Двадцать, – ответил Владимир. – Обещал специально для меня приготовить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://telnovel.com/masha-traub/sonya-i-aleksandra>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)